

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

ЗЛОВЕЩАЯ ТАЙНА
ВЕСТЕРФИЛДА

Меридит Митчелл и Алан Маркби

Энн Грэнджер

Зловещая тайна Вестерфилда

«Центрполиграф»

1991

Грэнджер Э.

Зловещая тайна Вестерфилда / Э. Грэнджер —
«Центрполиграф», 1991 — (Мерedit Митчелл и Алан Маркби)

Мерedit Митчелл, приехавшая на свадьбу дочери своей кузины Евы, известной актрисы, становится непосредственной свидетельницей страшной смерти молодого гончара Филипа Лорримера. Интуиция подсказывает Мерedit, что это убийство. Более того, оно каким-то образом связано с ее родственницами. Желая разгадать тайну и всемерно помогая полиции в лице старшего инспектора Алана Маркби, Мерedit начинает собственное расследование.

© Грэнджер Э., 1991

© Центрполиграф, 1991

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Энн Грэнджер

Зловещая тайна Вестерфилда

Посвящается Дэсону

Глава 1

Лифт опять не работает. Устав после трудового дня, обессилив после дороги домой в битком набитом трамвае и пешком по выжженной солнцем улице, Мередит Митчелл сокрушенно и горестно на него посмотрела. В сломанном лифте нет ничего небывалого и неожиданного. Музейный экспонат в декоративной решетке из кованого железа вроде обезьянника в частном зоопарке какого-нибудь коллекционера викторианских времен. Вверху на прутьях расцветают металлические листья аканта, канатное подъемное устройство, гордо выставленное на полное обозрение, напоминает картинку из ежегодника «Для мальчиков». Приклепанный к одному из стеблей аканта железный диск с отштампованной немецкой надписью извещает, что лифт установлен во времена расцвета Австро-Венгерской империи. Какой-то умник, должно быть добравшись через все границы до Вены, раздобыл красочную открытку с изображением императора Франца-Иосифа, приклеил липкой лентой к кабине. Тут она и висит, пользуясь со стороны престарелого лифтера-хорвата не меньшим почтением, чем икона. Мередит скорчила гримасу перед старым императором с моржовыми усами, в синем военном костюме с медными пуговицами. Сегодня лифт в полном распоряжении Франца-Иосифа.

Она подхватила кейс и принялась взбираться по слегка изогнутой каменной лестнице, с трудом преодолевая пролет за пролетом. Несмотря на облупившуюся краску, затянутые паутиной своды, застоявшийся воздух, жилой корпус сохраняет прежнюю элегантность, свойственную fin de siècle¹: лестница, по которой Мередит тащилась на третий этаж, достаточно широка для кринолинов. Впрочем, работу отопления редко можно признать удовлетворительной, сантехника никуда не годится, в подвалах полным-полно крыс, то одна, то другая время от времени поворачивает не туда, забегает на верхние этажи. Выйдя однажды поздно вечером из квартиры, Мередит наткнулась на крысу, чистившую усики у нее на пороге. Тем не менее дом ей нравится, она нисколько не завидует современным квартирам других служащих консульства в бездушных бетонных коробках, расставленных в дикой глуши новых пригородов. Здесь все видится в иной перспективе, любой визитер испытывает искушение заговорщицки и слегка зловеще подмигнуть на манер облезшего старого хлыща, еще не совсем потерявшего наглость. В конце концов, время так или иначе позаботится обо всех наших стремлениях и порывах.

Она добралась до собственных дверей, немного задохнувшись, покрывшись испариной на душных лестничных площадках. Уборщица Мария сегодня на месте, начищает латунный почтовый ящик, на котором еще сохранилась потертая надпись готическими буквами «Briefe»². Ни один нынешний почтальон не потрудится волочить сюда сумку. Всю почту оставляют в пронумерованных металлических ячейках, прилепленных к стенке внизу в вестибюле. То есть всю, которую получают другие. Корреспонденция Мередит если и доставляется, то при любезном содействии лондонской внешней курьерской службы в холщовых мешках вместе с дипломатической почтой. Хотя, если честно сказать, ей редко приходят личные письма.

За долгие годы службы за границей тебя не забывают на родине, но поддерживать постоянную связь все труднее. По крайней мере, так говорит себе Мередит. Жизненные пути расхо-

¹ Конец века (фр.).

² «Для писем» (нем.).

дятся, со временем между людьми, живущими далеко друг от друга, остается меньше и меньше общего. Родители умерли, сестер и братьев нет. Она иногда переписывается с парой старых школьных подружек – одна из них с прошлого Рождества не писала, прислав только открытку. На следующее Рождество, может быть, не придет и открытку. Обе одноклассницы замужем, семейства прибавляются, подруги вполне правильно понимают, что Мередит не заинтересуют подробности их повседневной домашней жизни. Только единственная близкая родственница – кузина – не попадает в эту категорию. Жизнь Евы Оуэнс полна событий, причем семейные дела уходят в глубокую тень перед тем, что творится в «бизнесе», по ее выражению. Пока им удается общаться. Хорошо ли это – совсем другой вопрос.

Пришедшее сегодня письмо обрадовало и встревожило Мередит. Всегда тревожно читать сообщаемые Евой новости. Они пробуждают старые, наполовину похороненные воспоминания, которые лучше не беречь. Письмо принес вице-консул Тоби Смайт, всегда первым получающий личную корреспонденцию, и выразительно воскликнул: «А вот это вам!» – поскольку Ева легкомысленно написала на конверте свое имя и адрес. На физиономии Тоби читались невысказанные вопросы, но стальной взгляд Мередит навсегда запретил их высказывать. Она взяла конверт с сухим «спасибо» и не стала вскрывать даже после неохотного отступления Тоби. Положила на письменный стол, села, глядя на него, потом поспешно сунула в карман, по-прежнему не распечатанный. Теперь письмо напомнило о себе, зашуршав при поиске ключей, хрустя в пальцах.

«Обождешь», – молча одернула его Мередит, входя в квартиру. Мария ушла, оставив за собой навязчивый запах восковой мастики. Мередит поставила на пол кейс, повесила пальто на вешалку, прошла на кухню, заварила чай. Для этих старых квартир весьма характерны столовые колоссальных размеров и крошечные кухоньки с кафельными полами, где с большим трудом разворачивается вспотевший повар, пока члены семьи сидят в гигантской столовой, перекрикиваясь друг с другом с разных сторон. Мередит тянула время, неторопливо намазывая арахисовым маслом совершенно ненужный сэндвич. Наконец понесла письмо, чашку чая и бутерброд в огромную гостиную, поставила поднос на убогий современный столик из набора деревянной мебели, выданной по распоряжению канцелярии. Неизбежно наступил момент, который так долго откладывался. Она села в последних лучах вечернего солнца, недоверчиво глядя на гладкий, будто слоновая кость, конверт, и в конце концов вскрыла его.

Неудивительно, что он такой жесткий. В нем письмо и карточка. Быстро обнаружилось, что это со вкусом напечатанное приглашение на свадьбу. На мгновение промелькнула догадка, что Ева в четвертый раз собралась сделать решительный шаг, но при беглом прочтении выяснилось – замуж выходит Сара, дочь Евы, крестница Мередит.

Нахлынула новая волна грусти с давним воспоминанием о промозглой церкви и плаче младенца. В памяти встала Ева – молоденькая прелестная мать, вызывающая умиление. Рядом с ней счастливый отец – Майк, непомерно гордившийся крошечной дочкой. Кроме Мередит, были еще двое крестных, супружеская пара с забывшимися именами. Она была совсем юной крестной, и эта обязанность тяжким грузом свалилась на ее плечи. Слишком велика ответственность. Слишком назойливо чувство вины, подстрекавшее возненавидеть Еву, которую Мередит на самом деле любила. Она прочно застряла в девичьем чистилище, испытывая чувства, которые ее пугали, – непонятные, одновременно волнующие и угнетающие.

Очаровательная, с виду неразделимая тройца – необычайно привлекательная жена и мать, прекрасный младенец, гордый молодой муж и отец. Стоя напротив них, Мередит прижалась к колонне, съезжилась за высокой каменной резной купелью, желая умереть, просочиться сквозь неровные трещины в полу древнего храма прямо в крипту в подвале, к умершим, которым уже не страшны никакие мучения. Она была в ту минуту уверена, что хуже ее никого нет на свете. Викарий нараспев декламировал вопросы, обращаясь к крестным: «Отказываетесь ли вы от имени сего дитяти от дьявола и всех дел его, от мирской славы и суеты и от плотских

страстей, обещаясь исполнять заповеди Божии?» Несмотря на усиленные старания, взгляд сам собой устремился через купель на Майка, почувствовалось, что душевные помыслы написаны на лбу крупными буквами и выставлены на всеобщее обозрение. «Отвечайте!» – потребовал викарий, и Мередит слабо промямлила: «Отказываюсь...», до сих пор не понимая, почему в тот же миг гром и молния не поразили ее на тех самых истоптанных каменных плитах. Даже теперь, сидя с письмом Евы в руках, она чувствует запах восковых свечей, пыльных подколенных подушечек под молитвенными скамьями, сырой земли из-под старых камней, мысленно слышит плеск воды, шорох широких рукавов стихаря священника, изумленный писк младенца у него на руках.

Иногда, размышляла впоследствии Мередит, перерастаешь юношеское смятение, а иногда оно перерастает во взрослое, и тогда от него можно избавиться лишь одним способом – бегством. Другого выхода не существует. В определенный момент она выбрала бродяжническое существование. С одного поста на другой, из одной страны в другую. Сейчас, в тридцать пять лет, служит здесь британским консулом, причем весьма успешно. Все ее называют удачливой карьеристкой. Только она вдобавок беглянка.

Но у судьбы есть гнусное обыкновение хватать тебя за фалды. Писклявый младенец вырос, стал женщиной и готовится к свадьбе. Видимо, злонамеренная судьба ждала этого дня, насмехаясь над Мередит, исполняя в углу этой самой гостиной призрачный победный танец, наблюдая, как она читает письмо, жестоко потрясенная мыслью о стремительном беге времени, если честно сказать.

– Черт побери, – пробормотала Мередит, – сколько ей? – И быстро подсчитала на пальцах. Девятнадцать. – Проклятье! Я даже не послала подарок к восемнадцатилетию... Когда они теперь считаются совершеннолетними? В восемнадцать или в двадцать один? Надо подарить на свадьбу что-нибудь потрясающее. Господи помилуй, за кого она выходит?

Судя по карточке, за какого-то Джонатана Лейзенби. Насчет подарка надо посоветоваться с Евой. Насколько помнится, в последний раз в подарок крестнице был послан ежегодный сборник «Бино»³. Мередит принялась за письмо.

«Мерри, пожалуйста, постарайся приехать! – Размашистый почерк Евы волнами летел вверх и вниз по странице, иногда вообще забегая за край и смешно обрезая слова. – Семья у нас небольшая, вообще никаких близких родственников, а клан Лейзенби, кажется, явится в полном составе. Понимаешь, намечено скромное семейное торжество, и Сара огорчится, если наши места в церкви останутся пустыми. Свадьба состоится в местном маленьком храме, где почти уже не совершаются службы, его откроют специально для нас. Надеюсь, там не будет пахнуть отсыревшими подколенными подушечками. Изумительные витражи потрясающе будут смотреться на свадебных снимках. Я потеряла всякие связи с родственниками Майка. Наверно, должна была поддерживать ради Сары, но не сумела после того, что случилось. Умоляю тебя, приезжай!»

– После того, что случилось... – повторила Мередит, сидя с письмом в руках в замершем мире. Стукнувшая в оконную раму трупная муха вернула ее к действительности. Насекомое лежало на спине, безнадежно жужжа. Она подошла, подцепила письмом Евы муху и выбросила, открыв окно, в которое ворвалась взрывная волна вечернего жара, принесшая с собой грохот трамваев в соседнем квартале. Вдруг нахлынула страстная тоска по Англии, по дому, который она никогда не таскала на своей спине, как улитка. Просто возникло туманное манящее воспоминание о мире с двухэтажными автобусами, мебельными чехлами из вошеного ситца, с летним дождем, барабанившим в окна, и с испеченным к чаю печеньем...

Почему не принять приглашение? Служебные обязанности перевыполнены, надо отдохнуть. Будет очень приятно присутствовать на свадьбе дочери Майка. Майку тоже было бы при-

³ «Бино» – еженедельный комикс для мальчиков, издающийся в Британии с 1938 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

ятно. Разве он смог бы стоять в церкви, не вспоминая другой обряд, вопросы и ответы? Как не думать о Майке? Она о нем по-прежнему думает, причем гораздо чаще, чем следует для своего душевного благополучия. Мередит сунула приглашение обратно в конверт. Отложим решение. Ненадолго, так как свадьба скоро, но все-таки можно вложить ответ в очередной мешок с почтой, который через недельку отправится в Соединенное Королевство. День был долгий. Чувствуя себя липкой, грязной, испытывая массу прочих навязчивых неразгаданных ощущений, порожденных нерешительностью, она пошла в ванную и открыла краны, чтобы все это смыть.

– Не люблю свадеб, – твердо заявил Алан Маркби, глядя на подвешенный цветочный горшок. – Жар на нее плохо действует. Я лучше уберу.

– Поздновато, – заметил его зять Пол, переворачивая куски мяса на решетке жаровни. – Боюсь, лобелия уже хорошо прокопtilась. Ну-ка, все брысь отсюда!

Жена Пола и сестра Маркби Лора, свернувшаяся клубочком в кресле, развернулась, мрачно побрела в угол, где сидели дети с банками коки и, к вящему недовольству хозяина, с красным мороженым на палочках, которое таяло быстрее, чем попадало в ротики, оставляя на плитках мощеного дворика зловещие багровые пятна. Непонятно, зачем он им позволил испортить воскресный день. Видимо, из-за нечистой совести.

Прячась за непомерными солнечными очками, Лора подставила лицо под солнце. В разгар английского лета светлые от природы волосы приобрели скандинавскую белизну, белая кожа соблазнительно загорела. Глядя на выставленные напоказ идеальные длинные ноги, Маркби с тайной усмешкой подумал, что никогда еще не видел женщину, которая настолько не походила бы на преуспевающего солиситора⁴ из старой фирмы, имеющей высокую репутацию в графстве.

– Готово! – объявил Пол. – Нам стейки, детям на выбор гамбургеры или колбаски.

За едой вновь зашел разговор о приглашении на свадьбу, прищипленном к двери чулана на кухне.

– Лестно получить предложение привести невесту к алтарю, – прокашляла Лора. – Особенно когда ее мать – знаменитая Ева Оуэнс.

– Лестно только для старых друзей семьи. Я был едва знаком с Робертом Фрименом. Играли вместе в гольф, пару раз выпивали. Саре он не отец, а отчим номер два, умерший к тому же полтора года назад. Сару я видел всего два-три раза. Она была одета, как инопланетянка, носилась, скакала вроде необученного щенка, активно занималась спасением китов. С Евой Оуэнс я встречался не чаще, и фильмы ее никогда мне не нравились. В последний раз видел на похоронах бедняги Роберта, где она потрясающе смотрелась в черном, окруженная кучей фотографов. Не скажу, будто неискренне горевала, только одинокую розу бросала в могилу под полыхавшие со всех сторон фотовспышки. Получилась какая-то идиотская белиберда, и с предстоящей свадьбой произойдет то же самое. Папарацци станут давить друг друга, шелкая блистательную мать невесты, а нам в цилиндрах придется доказывать свое право при этом присутствовать. – Маркби перевел затравленный взгляд с куска мяса на собеседников. – Господи помилуй, меня объявят последним телохранителем Евы Оуэнс!

– Может, и повезет.

– Есть какие-нибудь газеты, чтобы подстелить под детишек? – дружелюбно спросил Пол. – Они уже запачкали патио.

– Боже мой, кажется, будто тут свинью резали. Вон тот, как его там, уронил гамбургер, осталось жирное пятно...

– Его зовут Мэтью! Алан, ты должен знать имя собственного племянника.

⁴ *Солиситор* – стряпчий, поверенный, консультирующий частных лиц, фирмы и организации, выступающий в низших британских судах.

Детей поспешно обложили газетами – слишком поздно для предотвращения ущерба.

– Нельзя отказываться вести в церковь невесту. Это неучтиво.

– Не люблю свадеб. Вообще никогда не любил. Своя собственная мне не очень-то понравилась. Это было вещее предзнаменование, если такие вообще бывают.

– Тебе надо снова жениться. В сорок два года необходимо иметь семью.

– Нет, спасибо, – отказался Маркби, мрачно глядя на грязь, запятнавшую плиты. – Одной женитьбы хватит. Мэтью, если не возражаешь, перестань терзать фуксию.

– Хочу открыть цветочки.

– Спасибо, они сами откроются. Почему нельзя отказаться от всех этих свадебных дел? Зачем Ева меня попросила? По телефону сказала, будто так хотелось бы Роберту. Полный бред. Он ничего подобного даже не думал.

– Если б был жив, то подумал бы. Сам бы повел к алтарю свою падчерицу.

– Ну ладно, – сдался Маркби, – я это сделаю. Только нутром чувствую, что этого делать не следует.

– Мам, Вики оборвала все красные и лиловые цветочки...

Глава 2

Мерedit не могла представить кузину в роли тихой деревенской мышки. Прежде та никогда не стала бы прятаться от бесчисленных друзей и коллег. Подъехав к старому ректории⁵, где Ева теперь поселилась, и заглушив мотор, Мерedit задумалась, не покойный ли муж двоюродной сестры Роберт Фримен решил приобрести живописную, хоть и слегка потрескавшуюся гряду желтых кирпичей в сельской глуши на границе Оксфордшира и Нотгемптоншира.

Деревушка называется Вестерфилд или вроде того, судя по предназначенному для проезжающих покосившемуся дорожному указателю, наполовину заросшему вымахавшей травой. Она находится приблизительно в шести милях от торгового центра Бамфорда. Прищурившись, можно разглядеть название, обозначенное крошечным шрифтом на карте государственной топографической службы рядом с крупным значком, лаконично извещающим о «земляных укреплениях». Одному Богу известно, что это за укрепления – нигде не видно внятных указателей места расположения исторической диковинки. Может быть, просто кочки на каком-нибудь фермерском поле, где в бронзовом веке высились земляные валы. Люди издавна пахут окрестную землю. Наверняка в примитивных общинах имелся какой-то шаман или друидский жрец, но в XVIII веке в Вестерфилде обязательно был приходский священник, который заботился о человеческих душах, собирал церковную десятину, осуществлял властные полномочия. И он здесь обязательно жил. Ректорий стоял в тени деревьев в конце гравийной дороги. Напротив него церковь, которой он некогда принадлежал, наполовину скрытая деревьями на неухоженном заросшем дворе. Видно только, что она выстроена в позднем готическом стиле, пуста и закрыта. Ректорий, насколько можно было разглядеть за высокой кирпичной стеной и запертыми воротами из кованого железа, георгианский, с позднейшими викторианскими пристройками. Безобразные трубы, ползущие по фасаду, свидетельствуют о попытках модернизации в эдвардианские времена⁶. Телевизионная спутниковая антенна на крыше символизирует приоритеты последнего поколения.

Мерedit вылезла из машины, поежилась на сыром холоде, потирая голые руки, пристально глядя на окна первого этажа. В деревьях на церковном дворе у нее за спиной тоскливо выл ветер, что-то крупное без предупреждения сорвалось с близкой ветки и умчалось прочь, напугав ее. Это оказался всего-навсего вяхирь, который присел на спутниковую антенну и что-то ей проворковал. Она сморщилась, затрясла решетку ворот. Ворота были заперты, на одном косяке виднелся перфорированный металлический диск с кнопкой.

И еще кое-что. К пруту решетки привязан коричневый бумажный пакет. Розовая атласная ленточка завязана бантиком, к нему пришпилена карточка вроде тех, что флористы вставляют в заказанные букеты. Самое любопытное и ужасное – черная кайма на карточке, которая обычно встречается на погребальных венках и букетах. Мерedit шагнула ближе, присмотрелась к карточке. На ней было напечатано: «Добро пожаловать домой, Сара». Без подписи. Она нахмурилась. Несомненно, анонимный доброжелатель питал благие намерения, просто сделал глупость, пришивив карточку с черной каймой. Тут она заметила, что бумажный пакет промок снизу. Что бы там ни было, содержимое протекает, сообразила Мерedit, и протянула руку к промокшей бумаге.

Пальцы сразу стали липкими, окрасились в алый цвет. Она охнула, дернула розовый бантик, развязала, бумажный пакет упал на землю, разорвался. Мерedit присела, осторожно развернув бумагу. Там лежало бычье сердце.

⁵ Ректорий – дом приходского священника, ректора или викария в англиканской церкви.

⁶ Имеются в виду времена правления короля Георга III (1760–1820), королевы Виктории (1837–1901) и короля Эдуарда VII (1901–1910).

– Что за мерзкая шутка! – пробормотала она, радуясь, что первой нашла тошнотворный подарок. Схватила пакет, сердце, ленточку, карточку, понесла в вытянутой руке к заросшему крапивой кусту, который ограждал дорогу с другой стороны. Бросила все это в самую глубь, проследив, как оно исчезает из вида. Какая-нибудь собака или промышляющий по ночам стервятник почует мясо и к утру уничтожит. Мередит старательно вытерла пальцы, мысленно встряхнулась, прогнав жуткую картину. В тот же миг услышала легчайший шорох гравия на дороге и круто развернулась на месте.

Футах в двенадцати от нее стоял мужчина. Невозможно представить подобную личность в тихой сельской местности. Среднего роста, стройный, бледный, возраст неопределенный, от тридцати до пятидесяти. Выглядит почти ненормально чисто и аккуратно, поэтому в голову на мгновение пришла дикая мысль, что это гробовщик, осматривающий церковный двор на предмет намеченного на будущее профессионального визита. Мужчина сказал:

– Какая неприятность... – Выговор американский, но с очень осторожным акцентом, слова выговариваются на несколько старомодный чопорный манер. Тон не удивленный, а неодобрительный.

– Еще бы, – горячо подтвердила Мередит. – Вы знали, что пакет там?

Уголки его губ поднялись, а взгляд светло-серых глаз остался настороженным.

– С дороги увидел. Вы первая добрались. – Мужчина шагнул вперед, протянул руку. – Полагаю, вы консул. А я Эллиот. Альби Эллиот. Друг Евы. Тоже сюда приехал. – Он кивнул на дом приходского священника.

Мередит с легкой неохотой пожала мягкую белую руку, автоматически назвала свое имя, хоть оно Эллиоту было явно известно.

– А когда выходили, его не было?

Эллиот заморгал.

– Я бы наверняка увидел, правда? Впрочем, выходил рано утром. Был неподалеку в городишке под названием Бамфорд. Захудалый городок. Доехал туда на автобусе. Интересно, но не скажу, что еще раз готов это сделать. Когда уходил, на воротах ничего не было, хотя, как я уже говорил, это было в девять часов утра.

У Мередит возникло несколько вопросов, но она задала лишь один:

– На свадьбу приехали?

– Ах да, свадьба будет. – Эллиот потер гладкие ладони. – Ева хочет, чтобы я остался. Как я понял, членов семьи маловато. Только не знаю, удастся ли. Я очень занят. – На пальце у него красовалось кольцо с очень непривлекательным крупным темно-красным камнем в безобразной оправе. – По делу приехал.

– Кино, телевидение? – сразу спросила Мередит. Либо то, либо другое, если Ева не собралась написать мемуары. Трудно понять, кто такой мистер Эллиот, кроме того, что по крайней мере в одном отношении он выдает себя за другого. За выговором выпускника частной школы, старательно подстриженными волосами, за темным костюмом Лиги плюща⁷, не говоря об ужасном кольце члена братства, – за всеми этими подозрительными приметами «истинного американца» определенно маячит чистый Бронкс⁸.

Эллиот вновь приподнял уголки губ.

– Я продюсер и одновременно режиссер-постановщик «Наследства». – Он помолчал, видя, что собеседнице это ровно ничего не говорит, и добавил с легким гнусавым неудовольствием: – Сериальная сага о трех поколениях нью-джерсийских банкиров.

– А, мыльная опера! – сообразила Мередит.

– Совершенно верно. Удивительно, что до вас дошло. Вы ведь были... – Он запнулся.

⁷ Лига плюща – группа самых привилегированных частных колледжей и университетов на северо-востоке США.

⁸ Бронкс – северный район Нью-Йорка, превратившийся в 1970-х гг. в трущобный.

– В Югославии. Боюсь, «Наследство» туда еще не дошло.

– Дойдет.

– По-моему, там едва ли поймут, о чем идет речь. – Замечание прозвучало довольно грубо, и Мередит пожалела о нем, хотя Эллиот, видно, ничуть не обиделся.

– Каждый что-то поймет. Это мое детище. Моя идея. Я ее осуществляю. Стараюсь придерживаться оригинального замысла. Только в данный момент нужно... – Его взгляд опять притянуло к ректории.

– Хотите снимать Еву? – изумленно спросила Мередит.

– Да, мэм. У нас там экшен, драма, трагедия, пафос и страсть... Мы не боимся выйти за рамки, никого, конечно, не оскорбляя, знаете. – Эллиот сделал паузу и нахмурился, как бы не совсем довольный широкомасштабным сценарием. – Только нужен высокий класс, – нерешительно объяснил он и вновь обрел былой оптимизм. – Ева обеспечит. – Он устремил на Мередит вкрадчивый взгляд серых глаз. – Может, в дом пойдём?

– Нет, минутку погодите. – Мередит протянула руку, останавливая Эллиота. Он задержался, пристально на нее глядя. – С этим что будем делать? – Она кивнула на канаву, куда бросила жуткое месиво.

– Разве что-то надо делать?

Мередит ошеломленно вытаращила глаза.

– А как же! – вымолвила она, наконец обретя дар речи.

На лице Эллиота вновь возникло неодобрительное выражение.

– Что вы задумали, леди? Вытащить все это оттуда и войти в дом, размахивая перед собой?

– Не говорите глупостей, – сердито ответила она. – Нет, конечно.

– Очень хорошо. Пускай лежит на месте. Я сам позабочусь, ладно?

В тоне Эллиота возникла нотка, которой прежде не было. Мередит присмотрелась к нему повнимательнее. Светло-серые глаза уже не пустые, не рыбы. В них мелькнул твердый блеск и исчез под ее пристальным взглядом. Эллиот утешительно улыбнулся:

– В данный момент не стоит этим заниматься. Вы только что приехали. Почему сначала не зайти поздороваться? Ева ждет вас. Зачем портить встречу? Она со вчерашнего дня говорит лишь о вашем приезде. Признаюсь, я ждал вас с большим интересом.

Мередит подавила желание бросить в ответ: «Ну, и что теперь скажете?» – и вместо того сухо выдавила:

– Хорошо. Потом еще поговорим.

– Обязательно, – равнодушно подтвердил Эллиот, внушив ей неприятное впечатление, будто он обошелся с ней так же мастерски, как с чересчур темпераментной актрисой на съемочной площадке. Легким быстрым шагом он направился к воротам, нажал кнопку.

Хриловатый бестелесный голос, смутно похожий на Евин, спросил:

– Кто там?

– Альби, милая, – представился Эллиот. – Вместе с твоей кузиной.

Мередит чуть из кожи не вылезла, слыша внезапный электронный вой, с которым открывались ворота. После чего увидела перед собой на стене дома неприметную синюю коробку сигнализации. Кажется, Ева прочно укрепилась за запертыми воротами и высокими стенами с охранной системой. Может быть, в сельской местности нынче не принято испытывать судьбу. Разумно, когда рядом крутятся нехорошие шутники.

Как бы угадав ее мысли, Эллиот тихонько сказал:

– Мы не станем докладывать о посылочке, ладно? Не будем волновать Еву.

Мередит неохотно кивнула. Во времена ее детства деревенские жители целый день держали двери открытыми, даже уходя из дома в сельский магазин. Деревенское доверие и сельские магазины исчезли. Былые цены на недвижимость тоже несколько изменились. Поднима-

ясь по каменным ступеням к парадному, она прикидывала, сколько стоит сегодня такой дом со всеми своими «историческими особенностями»; наверняка с пятью-шестью роскошными спальнями; парой комнат для прислуги в мансарде; возможно, с двумя ванными; вероятно, с гардеробной внизу; несколькими гостиными; огромной кухней, выложенной, по ее представлению, плиткой и обязательно оборудованной посудомоечной машиной и прочими модными причиндалами; с подсобными постройками и обнесенным стенами просторным садом... «Выйдя на пенсию, – горько думала Мередит, – сочту себя счастливницей, если удастся снять комнату в квартире на двоих!» Тут парадная дверь распахнулась.

– Моя дорогая! – вскричала Ева, приветственно взмахнув руками. – Как мило! Наконец-то! – Мередит очутилась в жарких объятиях, окунувшись в легкое облако очень дорогого парфюма. – Скорей заходи!

– Машина еще на дороге стоит.

– Ох, потом заведешь. Там не ездит никто. Тут у нас очень тихо. Слушай... дай ключи Альби, он ее подгонит.

Эллиот скорчил гримасу, протянул руку. Мередит, слегка замешкавшись, протянула ключи.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Почему бы и нет? – загадочно проговорил он.

Вцепившаяся в плечо рука стремительно протаснула Мередит через холл в гостиную.

– Ну, – радостно выпалила кухня, – дай же мне на тебя посмотреть!

Они остановились в красиво обставленной комнате. Практически не осталось признаков, что гостиная некогда принадлежала священнику. Стены перекрашены в персиковый цвет, окна занавешены кружевными гардинами, которые когда-то ассоциировались с венскими кафе, единственная картина представляет собой бесстрастно написанный портрет самой Евы, кругом ни одной книги, зато на журнальном столике разбросаны веером гляцевые журналы. Исчез даже возмущенный призрачный приходского священника.

– Мерри, как я рада тебя видеть... – продолжала Ева. Полный энтузиазма голос вдруг стал почти неслышным. – Черт побери, кажется, сейчас заплачу!

– Не надо! – одернула ее Мередит. – Не валяй дурака. Я не вручу тебе «Оскара».

– Как же ты мне нужна! – горячо воскликнула Ева. – Я уже сбилась с ног с этой свадьбой... и прочим. Ты всегда была такой прочной опорой, Мерри, настоящая сторожевая башня!

– Да какая там башня. В лучшем случае шпалера для бобов.

К дому подъехала машина, взвыли закрывшиеся ворота, снова явился Эллиот.

– Чемодан в холл занес. Чем еще могу помочь, Ева?

– Благослови тебя Бог, дорогой, заходи, присоединяйся к нам, познакомься как следует с моей кухней. – Ева вновь оглянулась на Мередит. – Ты по-прежнему чудесно выглядишь, – восхищенно выдохнула она. – Правда, Альби?

Эллиот, чуть наклонившись набок и скрестив на груди руки, позволил себе дать спонтанный ответ:

– Откуда мне знать, черт возьми, дорогая? Я ее впервые увидел десять минут назад. Конечно, замечательно выглядит.

– А ты выглядишь фантастически, Ева, – искренне признала Мередит.

Каждая клеточка старательно ухоженного тела источает шарм. Прелестное лицо почти не изменилось с момента их последней встречи лет шесть назад. Эллиот кивнул, оглядывая Еву собственническим взглядом гордого отца.

– Ты наверняка жаждешь выпить чашечку чаю, – объявила Ева неожиданно деловым тоном. – Дорога долгая. Лючия – она до сих пор у меня повариха – отправилась к дантисту. Надеюсь, к вечеру вернется. Джонатан везет Сару из Лондона, мы устраиваем скромный обед

в тесном кругу. Саре не терпится тебя увидеть, я хочу поддержать ее здесь пару дней, обсудить последние свадебные детали. Даже не представляешь, сколько еще надо сделать. Сейчас чай принесу, а ты просто садись, отдыхай.

– Я не буду пить чай, – поспешно предупредил Эллиот. – У меня куча дела. А вам, девочки, хочется поговорить. Увидимся позже. – И вышел быстрым легким шагом.

– Кто это? – хриплым шепотом спросила Мередит. – Говорит, ты должна придать класс какой-то его кошмарной мыльной опере!

– Потом расскажу, – пообещала Ева, тайком бегло взглянув на дверь. – Альби душка. Я знакома с ним целую вечность, с удовольствием вновь поработаю. Нет, помогать не надо, сама справлюсь! – И побежала за чаем, цокая по паркету высокими каблучками.

Оставшись в одиночестве, Мередит стала разглядывать портрет. Дата, проставленная в углу чуть ниже подписи и чуть выше маленькой трещинки в раме, свидетельствует, что он был написан перед последним замужеством Евы. Свадебный подарок жениху или от жениха? Незнакомое имя художника трудно разобрать. Письмо неуклюжее, грубое, стиль небрежный, но хорошее владение колоритом, и что-то уловлено в Еве. Глядя на портрет, Мередит обнаружила, что кузина все-таки слегка изменилась по сравнению с полотном. Темные волосы с рыжим оттенком по-прежнему почти такие же, прекрасные фиалковые глаза смотрят с такой же уверенностью, только в реальной жизни кожа под ними немного обвисла. Линия подбородка на полотне обрисована четко – либо автор польстил, либо за прошедший год кожа и мышцы лишились упругости. Живописец смело пренебрег легкой сеткой морщин, испещривших кожу после тридцати из-за жгучего света прожекторов, пыли и ветра на опаленных солнцем съемочных площадках, густого сценического грима, широчайшей улыбки, которая понемногу образовала «гусиные лапки» в уголках глаз и мелкие вертикальные складки в углах рта.

Платье на портрете подобрано под цвет глаз. Ева всегда старательно заботится о своем облике. Сегодня на ней черные брюки и свободная белая шелковая туника с широким черным поясом. В таком наряде фигура выглядит стройной, по-девичьи гибкой. Ева стала на девять лет старше, но Мередит без всякой зависти признала, что из них обеих любой мужчина остановит взгляд только на ней. Вспомнив устремленный на Еву почти отеческий взгляд Эллиота, она легонько нахмурилась и, поджидая кузину, пристроилась в уголке удобного дивана с изображенными на обивке экзотическими растениями и птицами.

Вскоре та прибежала с широким подносом, заставленным разнообразным фарфором. Никогда не была хорошей домашней хозяйкой. Мередит, пряча улыбку, перехватила поднос, поставила на столик, сбросив глянцевые журналы.

– Забыла что-нибудь? – Ева пристально осмотрела поднос. – Лючия испекла бисквиты. К ним нужны специальные вилки? Не захватила. Лимон для меня, впрочем, и для тебя, если хочешь.

Она плюхнулась на диван рядом с Мередит, нечаянно расплескав на подушки чай из довольно красивой викторианской чашки. Они немного поболтали, обменялись последними сплетнями, потом Мередит с неподдельной заинтересованностью снова заговорила про мыльную оперу Эллиота.

– Будешь сниматься? Это несколько отличается от настоящего кино.

– Ох, я целую вечность в кино не снималась. Давай посмотрим правде в глаза, – с неожиданной откровенностью предложила Ева. – Ни один мой фильм никогда не делал рекордных кассовых сборов.

– Мне понравился старый, где за тобой, одетой в меховое бикини, гонялись радиоактивные динозавры.

Ева заморгала накрашенными ресницами.

– А... действительно? Честно сказать, не из лучших. – Она просветлела, погрозила тонким указательным пальчиком с идеальным маникюром. – Хотя спецэффекты в том фильме

были весьма продвинутыми для того времени. Разумеется, нынешние киношники из всех сил пережевывают «Звездные войны», «Индиану Джонса», прочих наших старых скрипучих монстров, над которыми потешаются зрители... кроме детей, которые их по-прежнему любят.

– Я тоже по-прежнему люблю, – с усмешкой призналась Мередит. – Считаю «Кинг-Конг» одним из лучших фильмов. По крайней мере, с моей точки зрения.

– Надеюсь, ты не думаешь, будто я в нем снималась? – сурово спросила Ева. – Нас с тобой тогда даже близко на свете не было. Собственно, мы с Альби познакомились во времена моей кинематографической карьеры. Потом он какое-то время работал на телевидении, добился успеха, сделал несколько удачных сериалов, «Наследство» – это что-то особенное, и возможность в нем сняться...

Мередит решила посмотреть какую-нибудь серию, но в данный момент мало что могла сказать по этому поводу. Вместо того объявила:

– Очень хочется снова увидеть Сару. Посоветуй насчет свадебного подарка, расскажи о бой-френде... прости, о женихе. Где они познакомились?

На лицо кузины легла тень, к тонкой сетке морщинок под гримом добавилась новая складка. Она грохнула чашкой об стол.

– Знаешь, что у меня с Сарой была куча очень неприятных проблем?

– В рождественских открытках не было никакого намека...

– Дело гораздо хуже, – объявила Ева. – Гораздо хуже, чем я тебе писала. – Она безнадежно махнула рукой, несомненно, искренне, но чуть-чуть театрально. Мередит вдруг почуяла укол жалости к ней. – Я сама все испортила, – мрачно призналась Ева. – Все испортила, будучи матерью, Мерри.

– Перестань. Я знаю, как ты предана Саре.

– Правда! – Ева в отчаянии стиснула кулачки. – Только до сих пор не сумела как следует воспитать. Майк был бы недоволен.

Новый укол еще больней пронзил сердце Мередит.

– Пожалуй.

– Он был таким практичным, он так был мне нужен, – вздохнула Ева. – Если б мы не расстались, когда Саре было восемь, если бы он был рядом, все было бы иначе. Знаешь, мы хотели снова сойтись, когда этот проклятый ребенок...

Мередит схватила кузину за руку.

– Хватит, Ева. Все в прошлом, все кончено. – Слова глухо прозвучали в собственных ушах. Разумеется, не в прошлом и не кончено. Вслух она проговорила: – Ты сделала для Сары все возможное.

– Нет, не сделала! Я ее погубила. Понимаешь, у меня никогда не было времени. Второй брак с Хьюго... не хочу вспоминать. Прискорбные подробности тебе известны. Из-за этого я уделяла бедняжке Саре еще меньше внимания. Потом она вдруг из маленькой девочки стала подростком, завертелась на самых что ни на есть непотребных тусовках. – Ева сделала паузу, оттолкнула поднос с чашками. – Кому нужен чай? Пять часов уже минуло. Может, выпьем чего-то покрепче?

– Спасибо, я лучше попозже.

– Ничего, если я хлебну джина?

– Разумеется. Ты у себя дома.

– Нынче как бы устаревший напиток, – заметила Ева, вернувшись через пару минут с порцией джина с тоником. – Теперь пьют какую-то дикую мешанину под экзотическими названиями. Я отстала от моды, Мерри. В сорок четыре года все труднее мириться с тем, что говорит и делает моя дочь.

– По-моему, почти все родители говорят то же самое. Возраст тут ни при чем. Таковы вообще отношения матери с дочерью.

– Саре через месяц стукнет двадцать. – Видно, Ева не слышала вставленного замечания. – Милый бедный Роберт указывал на ее безобразное поведение. Я, конечно, сначала не могла поверить. Мы тогда жили в Лондоне. У меня все складывалось необычайно удачно, просто не хотелось видеть ничего дурного. Однажды Сара пришла с вечеринки часа в три-четыре утра, подняла шум, я толком не проснулась и подумала, как любой нормальный человек: провалился бы этот ребенок ко всем чертям! И не встала. Хорошая мать встала бы. Я всегда была плохой матерью, поэтому просто сунула голову под подушку и постаралась снова заснуть. Она еще какое-то время чем-то гремела, что-то роняла, потом притихла. Тут даже до меня дошло – что-то не так. Я поднялась, пошла к ней. Она была в доску пьяная, ее жутко тошнило. Мало кто видел нечто подобное. Приползла к себе в комнату, свалилась в кресло в выходном наряде, не выключив свет. Кругом блевотина. Я стояла, смотрела на нее и думала: боже милостивый, ведь ей всего семнадцать. Ради всего святого, как я это допустила?

– Слушай, Ева, – твердо сказала Мередит, – не вини себя. Через такое многие дети проходят.

– Это еще не самое худшее! – с жаром ответила Ева, крепко стиснув стакан с джином. – Она не заснула спяну, не отключилась, сидела, что-то про себя бормотала. Я пыталась привести ее в чувство, отправить в постель, встряхнула за плечи, прикрикнула. Она вроде сообщила, что я стою перед ней. Начала что-то рассказывать, а я так разозлилась и так растерялась, не зная, что делать, что практически не обратила внимания. Помню, сказала: «Завтра расскажешь», – хотелось только ее уложить, понимаешь? Пока помогала раздеться, она все твердила одно. В конце концов я разобрала. Она повторяла: «Мы ее так и не разбудили...» – Ева умолкла. – Я испугалась, но не стала спрашивать. Потом все-таки спросила, о ком идет речь. Она назвала какое-то неизвестное имя.

Ева снова замолчала. Мередит ждала продолжения.

– На следующий день явилась полиция. – Голос стал едва слышным. – Одна бедная девочка смешала спиртное с каким-то наркотиком и умерла. О том мне и талдычила Сара. Они ее не смогли добудиться, а сами слишком перепугались, чересчур напились, чтобы вызвать врача, позвонить чьим-то родителям. Если бы позвонили, может быть, девочку спасли бы. Но запаниковали. Глупые дети – в конце концов, еще дети, – думали, если ее оставить в покое, со временем она очнется без всяких последствий, кроме головной боли. Она не очнулась. Ужас. Мы были на следствии. Родители умершей девочки... никогда не забуду лицо ее матери...

– Сара не виновата, – заявила Мередит.

– Нет. Только кто-то же виноват, правда? – Фиалковые глаза, обрамленные накрашенными ресницами, воинственно сверкнули.

– Толкач наркотиков.

– Легко сказать.

– Тоже правда. Знаешь, они липнут к юнцам вроде Сары и прочих, у кого есть деньги.

– А родители слишком заняты и ничего не видят...

– Прискорбный случай. Только ни ты, ни Сара в этом не виноваты. – Бедную Еву до сих пор терзает чувство вины. Мередит все об этом известно. От имени младенца ты твердо обещаешь отказаться от дьявола и всех его дел, гарантируешь, что дитя будет выращено достойно, соблюдать Божьи заповеди... Она подарила младенцу серебряные ложки и сочла дело окончательным. – А другие крестные? – спросила Мередит по внезапному побуждению. – Ведь была еще пара. Они тоже приедут?

– Нет, – ответила Ева, уставившись с отсутствующим видом в опустевший стакан. – Ты имеешь в виду Рекса и Лидию? Они развелись. Лидия вышла замуж за старого шейха. Рекс поселился во Флориде, стал менеджером спортивных звезд. Нынче там зарабатываются большие деньги. Молодежь в кинозвезды уже не стремится. Хочет в теннис играть. – Она запрокинула голову, перевела на Мередит загнанный взгляд фиалковых глаз. – Страшно сказать,

но смерть той самой девочки спасла Сару. Так напугала, что она, наконец, согласилась прислушаться к нашим словам. Хотя все равно нам с Робертом долго пришлось наставлять ее на путь истинный. Роберт не дожил до полного исправления – посреди того кошмара у него случился последний инфаркт. Жуткое было время, не дай бог вновь пережить подобное! Сара дико боялась, хотела порвать с прежним образом жизни, но в то же время хранила друзьям верность. Не желала ни о ком плохо думать. Мы так и не узнали, кто принес на ту самую вечеринку наркотики, а детишки сомкнули ряды. Никто ничего не знает. Так или иначе, лондонский дом мы продали, перебрались сюда. Сара сначала брыкалась, скучала по так называемым друзьям-приятелям. При каждой возможности удирала в Лондон и со временем их увидела в истинном свете. Роберт был прав, утверждая, что издали она будет смотреть на все по-другому. В конце концов девочка образумилась. Это произошло после внезапной кончины Роберта. Сара страшно переживала. Уважала его, была с ним гораздо откровеннее, чем со мной. Я боялась, что снова пойдет вразнос, да, к счастью, она познакомилась с Джонатаном Лейзенби, как ни странно, на похоронах Роберта. – Ева сделала паузу. – Он финансовый консультант... – Видно, подметив неодобрительное выражение на лице своей кузины, она горячо добавила: – Ничего общего с Хьюго.

– Надеюсь. Иначе лучше бы ей сбежать с молодым безработным актером, который подрабатывает барменом от нечего делать. Что значит «финансовый консультант»? Это может быть кто угодно, от бухгалтера до управляющего Английском банком...

– Ну, занимается инвестициями, пенсионной страховкой, всякое такое... не знаю! Работает в Сити, и очень успешно. Для Сары он пуп земли, и, слава богу, Джонатан ничуть не похож на ее прежних друзей. – Ева воинственно допила джин с тоником.

– Ясно. Как насчет свадебного подарка?

– Ох, где-то по рукам ходит список. Дарители что-то вычеркивают, не знаю, что осталось. Спросишь сегодня Сару. Надеюсь, она была на примерке... – озабоченно добавила Ева.

«Эта свадьба, – почему-то вдруг подумала Мередит, – не даст нам ни минуты покоя».

Позже, распаковав чемодан, она выбралась за ворота, пошла прогуляться. Повариха Лючия, вернувшись от дантиста, хлопотала на кухне, Ева отдыхала. Проходя мимо канавы, Мередит тревожно оглянулась, однако не проверила, там ли остался выброшенный пакет. Ева права. Мы стараемся закрывать глаза на неприятные вещи. Хорошо о них знаем, но предпочитаем отворачиваться. В любом случае Эллиот обещал позаботиться. Возможно, уже позаботился. Видимо, тихий деятельный мистер Эллиот не слишком щепетилен. Его нигде видно не было. То ли работал у себя в комнате, то ли хоронил вещественное доказательство. Может быть, похоронил, пока они с Евой чаевничали и беседовали? Момент был вполне подходящий. Мередит решительно повернула назад, подобрала палку, пошевелила крапиву, увидела в траве сломанные стебли и темное пятно. Больше ничего. Мистер Эллиот выполнил обещание. Она бросила палку и зашагала дальше.

Вечер приятный, а деревушка нет. Ее никак не назовешь живописной, причем это мнение вовсе не продиктовано ужасающими откровениями, выслушанными недавно от Евы. Не крупный, а расплзшийся поселок без четко определенного центра. Границы отмечены длинным одиночным рядом ветхих послевоенных муниципальных домов в городском стиле, неуместно торчащих в открытых полях. Дальше идут вперемежку бунгало с коттеджами. Последнее строение стоит на изгибе дороги, напоминающем хоккейную клюшку. Вокруг изгиба треугольник некошеной сорной травы, усыпанный окурками и конфетными фантиками, на нем ржавый столб автобусной остановки. В самой старой с виду постройке за травяным треугольником располагается ныне пивная под названием «Мышастая корова». Рядом с ней два фермерских коттеджа начала XIX века, мимо которых от треугольника идет дорога к церкви и старому дому

приходского священника. Не чувствуется никакого общинного духа, присущего югославским деревням. Людей вообще не видно.

Мерedit пошла к «Мышастой корове». Пивная тоже пустая, заброшенная. Вывеска с изображением дружелюбного, хоть и непропорционального животного со скрипом покачивалась на ветру над наполовину покрытой крышей. Маленькие запыленные окна похожи на пустые темные глаза, прочная дощатая дверь не поддается нажатию. Небольшая табличка на двери уведомляла, что лицензия принадлежит некоему Гарри Линнету. Мерedit посмотрела на часы. Шесть давно минуло, но, даже если мистер Линнет где-то там протирает стаканы, нет никаких признаков его присутствия. Видимо, открывается, когда сочтет нужным. Она брезгливо сморщила нос, чуя просачивающийся из паба запах прокисшего пива, пепельниц, дезинфицирующего средства «Джейз». Все это напомнило ей пивную на окраине Дувра, приманившую очаровательным старинным внешним видом после тяжелой паромной переправы через Ла-Манш. Внутри было тесно, грязно, кругом сплошь автоматы – игральные, с сигаретами, музыкальные с навязчивыми громящими мелодиями.

Мерedit повернулась к «Мышастой корове» спиной, отбросила прядь прямых темных волос со щеки, разочарованно сунула руки в карманы джинсов, с глубоким недоверием оглядываясь вокруг.

Приходится неохотно признать, что в родной стране она совсем чужая. С каждым отъездом из дома, с каждым переходом с одного зарубежного поста на другой бесповоротно превращается в такую же иностранку, как те настоящие иностранцы, среди которых она живет. Представляя за рубежом Англию в своем мелком личном качестве, по приезде домой неизбежно становясь иностранкой, она полностью отбыла наказание, слишком долго колеся по свету, живя в непривычном климате по долгу консульской службы.

Мерedit вздрогнула от внезапного и невнятного крика. Справа из-за фермерского коттеджа с крошечным садиком вывернула поразительная фигура – паукообразный старик в матерчатой кепке, с хриплым воем бежавший к воротам.

– Пошла прочь, иностранная тварь! – вопил он, и Мерedit застыла на месте, гадая, не ей ли адресован окрик, вполне совпадавший с собственными раздумьями. Тем временем неизвестный начал обстреливать невидимую цель камешками, предварительно загруженными в карманы. – Снова ко мне залез, чтоб тебе провалиться, брысь отсюда! – Фигура невесело приплясывала у ворот, потрясая в воздухе кулаками. – Сдеру с тебя заграничную шкуру, если только тронешь капустную рассаду!

На стену прыгнул сиамский кот, перескочил под градом камней и проклятий в запущенный неухоженный садик другого коттеджа. Из открывшейся двери соседнего дома выскочил юноша в поношенной красной майке и джинсах и крикнул:

– Берт, ради бога, кончайте шуметь! – Выговор вполне приличный, манеры приличные, сдержанные.

– Кто-то из твоих заграничных ублюдков снова ко мне забрался! – крикнул старик. – Нагадил в салат! Я своими глазами видел дьявольскую рожу и задранный хвост. Сколько раз можно предупреждать: держи своих тварей подальше от моих овощей!

Юноша наклонился, подхватил сиамца, который уютно устроился у него на руках, высокомерно глядя на своего обидчика, до того взбесившегося к этому моменту, что Мерedit испугалась, как бы его удар не хватил.

– Погодите минуточку, – рассудительно попросил юноша. – Вы постоянно выпалываете сорняки и вскапываете землю. Котов туда, естественно, тянет. С этим ни мне, ни им ничего не поделать. Обнесите свою капусту какой-нибудь проволоочной оградой.

– Лучше не пускай своих котов в мой огород! – рявкнул Берт, трясая кулаками. – Дьявольские твари! Похожи на чертей, а совсем не на кошек. Держи проклятых котов на поводках, как собак!

– Я уже объяснял тебе, старый дурак, – устало вздохнул юноша. – Коты не приручаются, в отличие от собак. Гуляют сами по себе, никто им не указ.

– Я в полицию заявлю! – пригрозил оппонент.

– Ради бога. Существует закон, который я только что изложил. Собаки дрессируются, а коты нет. Владельцы собак обязаны следить, чтобы они не бегали на свободе. А хозяева котов не обязаны – это попросту невозможно.

Берт затопал кривыми ногами, замахал руками над стеной, злобно глядя из-под матерчатого козырька.

– Считаешь себя умником, да? Ну, по закону у меня есть право охранять свою собственность. Учти, я рассыплю отраву. Будут знать твои иностранные звери. Яд у меня есть, и я предупреждаю, не пускай больше их ко мне в сад!

Юноша побагровел и крикнул:

– Слушайте, тогда я первым заявлю в полицию! Том и Джерри⁹ известные, уважаемые животные. Если вы их специально отравите, то у вас будут крупные неприятности. Ясно?

Они еще какое-то время сверкали друг на друга глазами, потом старик заворчал, повернулся, захромал прочь. Тогда молодой человек обратил внимание на Мередит и окликнул ее:

– Здравствуйте! Заблудились? Чем могу помочь?

Она довольно робко подошла к воротам, смущенная, что оказалась невольной свидетельницей ссоры.

– Нет. Я в гости приехала, просто прогуливаюсь. Случайно услышала вашу беседу со стариком.

– Беседу? – добродушно переспросил юноша. – Никто давно уже не беседует с Бертом Ювеллом. Совсем свихнулся. Можно сказать, деревенский сумасшедший. К сожалению, Том и Джерри копаются у него в огороде, которым он непомерно гордится. Выигрывает призы, выставляя на конкурсах луковицы и прочее. Я ему говорю: натяни сетку, поставь плетень, чтобы коты не лазали, пока рассада не вырастет. А старый упрямый дурак тупо стоит на своем.

Разъясняя сложившееся положение, юноша шагал по заросшей дорожке и теперь подошел к Мередит, остановившись за некрашеной калиткой. Вблизи он оказался старше – молодым человеком лет двадцати пяти, и Мередит удивилась своей ошибке. Он держал на руках кота, почесывая дымчатые ушки. На пальцах какие-то белые полосы, как бы от высохшей глины.

– Неужели действительно разбрасывает отраву? – озабоченно спросила Мередит и протянула руку, к которой Том высокомерно принюхался, позволив, однако, себя погладить.

Молодой человек нахмурился, оглянулся на соседний коттедж:

– Может. Давно грозит. Наверняка не врет, что у него есть яд. Бог знает что хранится в садовом сарае. Сарай не запирается, и я как-то туда заглянул, отыскивая пропавшего Джерри. Брата Тома. – Он кивнул на кота у себя на руках. – В жизни не видел столько хлама. Я сам не очень аккуратный, – небрежно махнул он рукой на заросший сад, – но сарай Берта, пожалуй, самое безобразное место в деревне. Там такое старье, что, если вскрыть бутылки, одни испарения парализуют любого. Не удивлюсь, если как-нибудь ночью они взорвутся и в случае удачи унесут с собой старика. – Молодой человек усмехнулся, и Мередит улыбнулась в ответ.

– Я остановилась в старом ректории.

Усмешка на губах молодого человека как бы на мгновение застыла. Потом он равнодушно заметил:

– Там живет Ева Оуэнс.

– Да. Я ее двоюродная сестра.

⁹ Том и Джерри – кот и мышонок из популярной серии мультфильмов.

– Правда? – Молодой человек задумчиво посмотрел на нее, и Мередит недовольно почувствовала, что краснеет. Угадала его мысль. Разве такая простушка может быть родственницей красавицы Евы Оуэнс?

– Правда, – услышала она свой слишком резкий ответ и мысленно выругалась.

Он мило извинился.

– Простите, что я вытаращил глаза. Просто немного их знаю. Ну, прекрасная и знаменитая Ева не особенно удостаивает меня вниманием, а с Сарой мы были когда-то добрыми друзьями.

– Вот как? – с любопытством переспросила Мередит. – Я с нетерпением жду встречи с Сарой. Давно ее не видела.

– Тогда увидите, как она изменилась, – небрежно молвил молодой человек. – Меня зовут Филип Лорример. Я гончар. – Объяснились следы глины. – Мастерская с той стороны. Жизнь бедная, но честная. – Филип Лорример саркастически усмехнулся.

– Очень хотелось бы как-нибудь заглянуть, если можно.

– Разумеется, в любое время. – Филип спустил с рук кота, который пошел прочь, задрав хвост, и уселся под дверь на лестнице. К нему подошел другой, почти точно такой же, сел рядом. – До помолвки и переезда в Лондон Сара не раз заходила помочь, – продолжал он.

– Она умеет формовать глину... кажется, так говорится?

– Боже упаси. Из ее рук выходили безумные вещи. А рисунки на керамике удавались. Собственно, она подолгу просиживала со мной рядом. – Он пожал плечами.

– Вы придете на свадьбу?

Филип сморщился.

– Вряд ли. Видом не вышел.

– Как я понимаю, в церкви больше не служат. Нет приходского священника?

– Как такового нет. Есть целая команда пастырей. Заботиться о наших душах едет из города тот, кому по жребию не посчастливилось вытянуть короткую соломинку. Никто не видит особой необходимости в заботе о наших душах, поэтому душеспасители приезжают лишь раз в две недели. По-моему, в списке приоритетов мы стоим следом за осажденными обитателями испоганенных городских высоток.

– В этой деревушке... – медленно проговорила Мередит. – Знаю, я только что приехала... но ни одной души не увидела. Совсем пусто. Здесь есть школа? Никаких признаков не заметно.

Филип отрицательно покачал головой:

– Школы нет. Детей возят в город в автобусе. Старое школьное здание продано, превращено в бункер пенсионеров Локков. – Он помолчал. – Хотя все-таки можно привыкнуть к деревне. Даже к старику Берту. В сущности, он неплохой человек, если к нему привыкнуть. Только мы с вами вряд ли встретимся в «Мышастой корове», особенно если вы остановились у Евы. В той компании шерри пьют.

Филип сказал это с милой улыбкой, но Мередит все равно не понравилось, и особенно не понравилось, что ее поставили на место. Впрочем, в конце концов, очевидной чужачке не пристало критиковать деревню.

– Мне надо вернуться, – сказала она. – Приятно было познакомиться.

– Осмелюсь сказать, мы увидимся, – ответил он. – Если вы не уедете.

Мередит зашагала назад по дороге к ректории и оглянулась на повороте. Филип Лорример стоял перед дверью на лестнице, наблюдая за ней, и приветливо махнул рукой. Она ему простила язвительный намек на шерри. Сама напросилась. Безусловно, милый юноша... мужчина – сурово поправила себя Мередит. Боже, дурной знак, что такой громоздкий парень кажется тебе мальчиком! Как там говорится? Когда полицейский начинает выглядеть моложе...

Глава 3

Когда Мередит в последний раз видела свою крестницу, Сара была впечатляюще одета в черное с ног до головы – очень короткая юбка, колготки, ботинки до щиколотки с бахромой, какие носили дети на рубеже веков. Длинные волосы вытравлены до ослепительно-золотистых, хорошенькое кругленькое детское личико с высокомерно вздернутым носиком безобразно раскрашено, и все это венчала меховая шапка Советской армии с красной звездой.

– Мерри! – с энтузиазмом воскликнула Сара, обняв ее за шею. – Ох, как я рада опять тебя видеть!

Нельзя не ответить на столь теплое приветствие.

– Привет, дорогая. – Мередит тоже стиснула девушку в объятиях. – Тебя трудно узнать.

Действительно. Перемены к лучшему. Волосы больше не золотистые, а натуральные, светло-каштановые. Макияж далеко не такой густой, фиолетовые тени для глаз совсем исчезли. Лучше всего то, что Сара, по-прежнему несколько эксцентрично одетая, догадалась о существовании других цветов, кроме черного.

– Потрясающе выглядишь, – объявила Мередит. – При нашей последней встрече ты смахивала на Аэндорскую волшебницу¹⁰.

При этом из подсознания почему-то выскочило воспоминание о жуткой находке на воротах. Абсолютно невозможно представить, что кто-то желает зла этой радостной непосредственной девочке. Тем не менее кто-то желает. Или у какого-нибудь дурака извращенное чувство юмора. И такое нередко случается.

Джонатан Лейзенби, на которого Мередит очень хотелось взглянуть, оказался щеголеватым молодым человеком лет двадцати пяти, сияющим, как только что отчеканенная монетка. Он был бледен, как истинный горожанин, и за ухоженной внешностью, дорогой одеждой Мередит разглядела определенную осторожность, порожденную жизненным опытом. Возможно, он не с самой верхней ступеньки, но с неуклонным стремлением влезть на нее. Говорит громко, весело, пристально следя при этом за всеми. Когда Сара представила их друг другу, уверенно шагнул вперед, пожал руку с агрессивной твердостью. Мередит высвободила стиснутые пальцы и выдавила улыбку. Сара, прыгая вокруг них, как счастливый щенок, объявила:

– Мне всегда страшно хотелось быть такой, как Мерри. Разъезжать по свету, видеть всякие замечательные места, знакомиться с людьми. Она везде бывала!

– Не везде, – возразила Мередит. – Всего в нескольких странах. Не знаю, стоит ли следовать моему примеру, Сара.

– Сара сказала «хотелось», – быстро вставил Лейзенби. – С тех пор она несколько повзрослела. – И, чуть помедлив, добавил: – Я имею в виду, больше не страдает от школьных увлечений.

– Правда? – тихо переспросила Мередит.

Но он уже отвлекся, видно заметив крупного неопрятного мужчину, который подошел к ним расхлябанной походкой и остановился, моргая, отчего Мередит предположила, что очки он носит только на работе, не желая признаться, что в них постоянно нуждается. Лейзенби рванулся вперед, протянув руку с присущей ему уверенностью.

– Ах, Рассел! – радушно поприветствовал он мужчину.

Интересно, задумалась Мередит, учат ли в какой-нибудь бизнес-школе птиц высокого полета производить таким образом впечатление на новых знакомых? Рассел ответил на приветствие без особого энтузиазма. Отвесил краткий кивок, обратился к хозяйке:

¹⁰ Аэндорская волшебница – в библейской Первой книге Царств женщина, к которой обратился за пророчеством царь Саул, изгнавший со своей земли колдунов и волшебников.

– Добрый вечер, Ева! – Он преподнес ей букет хризантем в целлофане, перехваченный лилово-розовой ленточкой.

– О, Питер!.. – воскликнула Ева, убедительно играя роль женщины, которой никогда в жизни не преподносили букетов. Она явилась среди собравшихся, словно только что вынутая из коробки, как всегда ослепительная, в каком-то, как показалось с первого взгляда, длинном розовом шифоновом платье, которое при ближайшем рассмотрении оказалось брючным костюмом. Мередит сначала пожалела, что у нее не хватит храбрости надеть нечто подобное, а потом поблагодарила небо за то, что не хватит, ибо она не обладает ни фигурой, ни стилем Евы и может лишь сойти за бракованную рождественскую хлопушку. – Ох, как мило! – восторженно продолжала Ева. – Сейчас же попрошу Люцию поставить их в воду. Мерри, милая, это Питер Рассел... Это моя кузина и самая дорогая подруга Мередит Митчелл. Питер наш местный врач.

– И так можно сказать, – деликатно вставил Рассел. – Живу здесь, в деревне, работаю в Бамфорде. Там у нас коллективная практика. Очень рад познакомиться с вами, мисс Митчелл.

Группа священнослужителей, коллективная практика, отметила Мередит. В деревушке никакой индивидуальной деятельности не осталось?

Ева затопала каблучками по паркету, неся цветы Люции. Рассел, обменявшись с Мередит рукопожатием, небрежно обратился к Саре:

– Я знал о твоём приезде, не хотел оставить леди без внимания. Вот, возьми. – Он протянул коробочку мятных шоколадных конфет.

– Ой, Питер, спасибо! – воскликнула Сара, схватив ее с рвением, неподобающим леди. – Это моя слабость! Вы помните. В свой последний приезд сюда, Мерри, я до тошноты объелась.

– Растолстеешь, – кисло заметил Лейзенби.

Сара с сомнением и почти виновато на него взглянула.

– В ее возрасте все сгорит, переварится, – сухо возразил Питер Рассел. – При склонности к ожирению уже растолстела бы. Побеспокоимся, когда ей стукнет сорок.

Лейзенби ничего не ответил, приняв вид не по годам развитого ребенка, который неожиданно не удостоился заслуженной похвалы.

– Но я действительно оставил без внимания незнакомую даму, – виновато признал Рассел, вновь обращаясь к Мередит. – Не знал, что вы здесь, мисс Митчелл.

– Я и не ожидала, что вы мне преподнесете цветы или шоколад, – изумленно проговорила она. – Но все равно спасибо.

– Как мило... – пробормотала Ева, сидя в углу с коричневатой-желтой жидкостью в стакане. Мередит уже заметила на столике с колесиками среди прочих бутылку крепкого «Сотерн комфорт». Где-то вдали зазвонил телефон.

– Рад встретиться еще с одним членом семьи, – улыбнулся Рассел. – Сара рассказывала, что вы очень отважная дама, разъезжаете по дальним странам, чтобы там развевался британский флаг.

– Делаем все возможное, – кивнула Мередит. Врач ей понравился.

– Надеюсь, не ссужаете подачками молокососов, которые отправляются за границу и своим поведением позорят страну, пока не растратят деньги? – воинственно спросил Лейзенби.

Вернулась Ева.

– Мои дорогие, звонил Алан Маркби. Он запаздывает и просит начинать без него. Думаю, мы так и сделаем, если слишком задержится. Люция не в себе – знаете, из-за зубов, – и не стоит просить ее обождать с ужином.

– Это тот самый тип, который поведет в церковь Сару? – задиристо уточнил Лейзенби.

– Маркби человек занятой, – пробормотал Рассел. – Если сможет, постарается явиться вовремя.

– Он дружил с Робертом, – твердо проговорила Ева.

Последовало неловкое молчание. Сара принялась вертеть обручальное кольцо на пальце. Мередит показалось, что на хорошеньком личике, похожем на мордочку мопса, возникло какое-то загнанное выражение. Обычная для нее импульсивная живость была сегодня несколько наигранной.

Они почти решили не ждать опоздавшего и готовились пройти в столовую, когда в холле послышались голоса. Очень высокий, довольно худой мужчина с узким интеллигентным лицом, прямым длинным носом и яркими голубыми глазами влетел в комнату, откинул со лба взлохмаченные светлые волосы и, задохнувшись, выпалил:

– Извините!

– Как раз вовремя! – воскликнула Ева, метнувшись к нему. – Ну, вы незнакомы с моей кузиной Мередит, и с женихом Сары Джонатаном, и с Альби... где он там прячется? Представляю всем Алана Маркби, друга незабвенного Роберта, любезно согласившегося повести к алтарю Сару.

Все пробормотали разнообразные приветствия, кроме Лейзенби, который громко сказал:

– Потрясающе!

Ева схватила под руку Маркби, немного озадаченного этим собственническим жестом.

– Пойдемте, – приказала она, потащив его за собой.

Мередит удивленно заметила, что это его забавляет и что он умудряется делать вполне разумные замечания. Ева заискрилась в присутствии нового мужчины.

Рядом с Мередит возник Эллиот, которого практически не было слышно весь вечер.

– Присмотритесь к этому типу, – шепнул он. – Настоящий мужчина. – И исчез, прежде чем она успела вразумительно ответить.

В столовой был накрыт большой круглый стол. Слева от Мередит сел Питер Рассел, а справа Алан Маркби. Рядом с ним Ева, дальше Лейзенби, Эллиот, Сара между ним и Расселом. Крупная цветочная композиция посреди стола частично загораживала Лейзенби, сидевшего напротив Мередит, что позволило скрытно за ним наблюдать, непосредственно не разговаривая. Она решила, что, даже если он ей не слишком понравился, можно относиться к нему с уважением. Безусловно энергичный, весьма способный, проникательный, умный. Хорошо бы, чтоб вдобавок вызывал симпатию. Но ее всегда настораживает амбициозность, а он в высшей степени амбициозный.

Она вдруг заметила, что сидевший слева от нее Питер Рассел тоже пристально наблюдает за Лейзенби. Потом он внезапно отвлекся, заговорив с Сарой. Алан Маркби и Мередит с взаимной настороженностью поглядывали друг на друга.

– Как же вы в одиночестве проехали через всю Европу? – решительно спросил он. – Много лет назад я тоже это проделал вместе со своей тогдашней женой. Мы ехали на машине из Греции.

– Замечательная поездка.

– Не такая уж замечательная, – горько возразил он. – Когда сидишь запертый с кем-то в машине, хорошо понимаешь издержки взаимных связей. Это был *coup de grâce*¹¹ нашей семейной жизни. Я не говорю, будто мне не хотелось бы повторить это без долгих споров над картой и чаще любуясь видами.

– Если угодно, можете со мной проехать до севера Югославии, а оттуда уже самостоятельно доберетесь, – предложила Мередит.

– Что? – Маркби вытаращил глаза с таким же изумлением, с каким посмотрел на Еву, когда та взяла его под руку. И рассмеялся. – Вы же меня совсем не знаете!

¹¹ Последний удар, добивающий раненого (фр).

– Ерунда, – отрезала Мередит. – Просто предлагаю прокатиться по Западной Европе. – И вспыхнула, пораженная пришедшей в голову мыслью. – Я вовсе не стараюсь вас соблазнить.

– Я и не лыщу себя такой мыслью. Только хочу сказать, вы же не знаете, может, я какой-нибудь маньяк...

– Вы собираетесь повести к алтарю мою крестницу. По словам Евы, были другом Роберта. Можно предположить, что не Джек-потрошитель.

– Правильно, – протянул он, как бы про себя потешаясь. – Спасибо за предложение, возможно, когда-нибудь я им воспользуюсь.

– Возможно, я его больше не сделаю. – «Не пожелаю, – решила она. – И вообще что меня за язык дернуло?»

– Слушайте, – наклонился он к ней с неожиданной серьезностью. – Я не был таким уж близким другом Боба Фримена. И меня ошарашила просьба Евы повести невесту к алтарю. Конечно, большая честь и прочее... но мне бы не хотелось, чтобы у вас возникло ошибочное представление...

– О чем? – холодно уточнила Мередит, по-прежнему испытывая раздражение.

Маркби не успел ответить – в гул застольных бесед врезался чистый юный голос Сары:

– Ну, по-моему, просто гнусно, что коттеджи нынче так дорого стоят. Настоящие деревенские жители не могут купить. Это нечестно.

– Нет, Сара! – горячо возразил Лейзенби. – Цены на сельскую недвижимость определяет рынок, и с этим ничего не поделаешь.

– Но в деревне совсем нет детей, – заявила Сара, склонившись над столом. – Ты обратила внимание, Мерри? Потому что все молодые супруги отсюда уехали.

– Молодые семьи уезжают, потому что нет школы, – ровным тоном объяснил Рассел. – Признаюсь, купив коттедж «Роза», я способствовал сокращению местного рынка недвижимости, что не нравится Саре. Извини, дорогая, но мне нравится жить в деревне.

– Я не вас имею в виду, Питер. Вы знаете деревенскую жизнь, лечите местных жителей, они только рады, что вы тут поселились, даже если им приходится ездить к вам на консультацию в бамфордский медицинский центр, хотя мне это кажется довольно странным... Я говорю о других. О горожанах. Ну, пожалуй, вроде нас с мамой. Или о сезонных жителях. Или о Локках, которые все критикуют. А школы нет потому, что детей нет! – триумфально заключила Сара. – Получается замкнутый круг. Все равно что курица и яйцо.

– Не стоит надеяться, что министерство образования будет держать школу в деревне для полудюжины ребятишек, – заметил Лейзенби. – Затраты не оправдаются.

– Во Франции так делается, – услышала Мередит собственный голос, вступивший в спор. – Французы приняли специальную программу оживления деревень.

– В рамках французской сельскохозяйственной политики, – добавил Лейзенби, бросив на нее нехороший взгляд. Понял, что столкнулся с оппозицией. – Это уже совсем другой вопрос.

– Французы жить умеют... – мечтательно и довольно бессмысленно молвила Ева, однако произвела желанный эффект. Спор утратил остроту.

Алан Маркби неожиданно сказал вполголоса:

– Я иногда удивляюсь, зачем люди переезжают в деревню. В конце концов, губят то, к чему стремились. Если вообще к чему-то стремились. В большинстве случаев первым делом стараются все изменить, переделать. Видели Локков, ту самую пару, которую упомянула Сара? – Мередит отрицательно тряхнула головой, и он продолжал: – Ну, увидите. Они купили старое школьное здание. Наняли парня для разбивки сада на прежней спортивной площадке, а потом обнаружили, что там ходят люди. Поднялся адский шум, прежде чем майор Локк добился разрешения проложить новую дорожку вокруг участка. Местные жители яростно возражали, не понимая, почему им нельзя ходить через сад точно так, как они раньше ходили

через школьный двор. Началась настоящая битва с настоящей линией фронта. Локк всем грозил, однако не хотел, чтоб ему все грозили. Даже ко мне приходил жаловаться, старый дурак.

Мерedit открыла рот, желая спросить, почему озабоченный Локк пошел к Маркби. Видимо, это каким-то образом связано с родом деятельности, которой он зарабатывает на жизнь, только неясно, в чем она заключается. Прежде чем она успела задать вопрос, Маркби хмыкнул и продолжал:

– Потом возник скандал с канализацией. Бедняга получил разрешение на перенос пешеходной дорожки, разбил прекрасный сад, а с сортиром что-то не заладилось. Вызвали специальную машину для откачки, и она проехала прямо по цветочным клумбам – иначе не добраться.

– Вы очень серьезно все это воспринимаете, – заметила Мерedit, – но ведь не живете в деревне, правда?

– Нет, хоть очень хорошо ее знаю, – ответил Маркби, очень сильно ее озадачив. – С детства часто сюда приезжал, обычно останавливался в этом самом доме. Мой дядя был последним приходским священником.

– Понятно... – задумчиво протянула Мерedit. – Я и не знала, что вы из местных. Простите.

– За что? Действительно, наша семья издавна жила в этих местах. Когда-то имела здесь землю, которая полностью теперь распродана. Дядя Генри, старший брат отца и последний здешний приходский священник, был забавный старик, холостяк, жил среди своих книг. Можно сказать, эдвардианский тип. Дом всегда казался мне мрачным – полно темной мебели, масляных картин с изображением убитых птиц, пахнет сухой гнилью... Купившему его Бобу Фримену пришлось вбухать сюда кучу денег. Все было в ужасающем состоянии. Епархиальный архитектор чуть в обморок не упал, почти проклял дом, поэтому церковь его постаралась скорее продать. Не знаю, сколько Боб выложил в конечном счете, хотя, может быть, заключил выгодную сделку, особенно если учесть, что цены с тех пор взлетели выше крыши. Лейзенби наверняка видит шанс сколотить деньги. Но Сара права, местная молодежь не может себе позволить покупку. Почти все молодые люди покинули деревню. Остались одни старики, которые не хотят суетиться, намерены здесь умереть.

Маркби вдруг замолчал, как бы смущенный собственной болтливостью. «Пусть он не понимает, почему Ева решила просить его вести к алтарю Сару, – подумала Мерedit, – а я понимаю. Хорошо выглядит, хорошо говорит, принадлежит к старой здешней семье. Она выбрала его на эту роль по тем же соображениям, что и Эллиот, выбравший ее для своей мыльной оперы: нужен класс».

Вслух она сказала:

– С одним местным жителем я познакомилась. С гончаром Филипом Лорримером.

Когда прозвучало это имя, настала тишина, как иногда бывает среди общих разговоров, после чего слова падают в застывшую бездну. Атмосфера мигом изменилась. Сара заерзала, Лейзенби насторожился, Рассел резко выдохнул:

– Ух!

– Не знаю такого, – нахмурился Маркби. – Гончар, говорите? Давно тут живет?

– М-м-м... да. Забавный парень, – вымолвила Ева. – Кажется, прожил около года до того, как Роберт купил дом священника. Свободный художник, если его можно назвать художником. Лепит глиняные горшки, пепельницы, кувшинчики для сливок, всякое такое, с надписью «на память о Девоне» или еще что-нибудь в том же духе. Продает в округе, более или менее зарабатывает на жизнь. Впрочем, не столько, сколько зарабатывал бы художник или скульптор.

– Или актер? – довольно язвительно добавил Эллиот.

– Вот именно, – невозмутимо подтвердила Ева. – Вообразите, глиняные горшки!.. Так или иначе, – она изящным взмахом отмела тему керамики, – по-моему, у них ноги разные.

– Что? – прыснула Мередит. – У глиняных горшков?

– Нет, дорогая, у гончаров. Потому что одной ногой они крутят гончарный круг. Может, пойдем в гостиную кофе пить?

В гостиной Мередит оказалась рядом с Лейзенби на экзотическом диване. Лючия, поджав губы, разнесла по кругу поднос с кофейными чашками. Лейзенби осторожно наклонился к Мередит, как к домашнему животному с неизвестным характером.

– Как я понял, вы давно не видели Еву, но наверняка смотрели ее фильмы. – Он взял чашку черного кофе.

– Конечно, все смотрела, – подтвердила Мередит, тоже взяв с подноса чашку, – хотя Ева довольно давно не снималась. Думаю, время от времени работала на телевидении, а это я, к сожалению, пропустила.

– Ну да, на телевидении... – хмуро пробормотал Лейзенби. – Она вам рассказала о замысле с мыльной оперой? – Он бросил взгляд на Еву, сидевшую между Питером Расселом и Альби Эллиотом. Эллиот оживился, болтал, наверняка расписывая свое «детище». Лейзенби неодобрительно посмотрел на него.

– Немного. Я никогда не видела сериал. По словам Евы, он пользуется популярностью, имеет миллионную аудиторию.

– Полагаю, это Эллиот так говорит, – воинственно возразил Лейзенби. – Посмотрите на рейтинг. Сериал действительно был популярным, потом в Соединенных Штатах рейтинг упал. Сериал до нас доходит через несколько месяцев после показа в Америке. Британские зрители до сих пор неплохие, но тоже снизятся, если американская тенденция продолжится. – Он поставил нетронутую чашку и снова придвинулся к Мередит. – Поэтому Эллиоту страшно хочется ввести нового персонажа, внести в сюжет новую линию. В сериал вложены большие деньги. У него возникли проблемы с другими проектами, он рассчитывает на хороший доход от «Наследства». Неплохо знает дело. Старается привлечь известную звезду. Поэтому тут сидит, ухаживает Еву.

– Понятно, – задумчиво проговорила Мередит, хлебнув кофе, очень крепкий, на итальянский манер.

Ева с Эллиотом оживленно беседовали. Лейзенби как бы решил воспользоваться моментом, пока они заняты, и еще посекретничать с Мередит.

– Насколько я понял, проблема в том, как ввести в историю нового персонажа. Сериал продолжается не один год, все сценарные ходы уже использованы. Зрители начинают угадывать, что будет дальше. Как объясняет Сара, Ева должна сыграть женщину из прошлого главного героя. Она имеет над ним какую-то власть, знает что-то нехорошее, поэтому он ее вынужден взять в деловые партнеры. Роль чисто отрицательная. На мой взгляд, довольно сексуальная. – Лейзенби презрительно скривил верхнюю губу. – Насколько мне известно, там будут многочисленные постельные сцены.

– Наверняка очень скромные, – тихо ответила Мередит. – Эллиоту нужен «класс», по его выражению.

– Да-да, – поспешно кивнул он. – Только секс все-таки будет. А Ева... я имею в виду, в ее возрасте...

Лейзенби внезапно умолк, и Мередит вопросительно на него посмотрела. Он вспыхнул под ее пристальным взглядом, неожиданно показавшись моложе и несколько утратив самоуверенность, схватил чашку, принялся пить. Допив, продолжил:

– Не поймите превратно. Она прекрасно выглядит и вполне подходит на роль. Но ведь ей надо думать о будущем, о своем имидже. Неужели она действительно хочет предстать в таком образе на данной стадии своей карьеры?

– Думаю, что такие вопросы не раз обсуждались, – заметила Мередит, подозревая, что дело не в имидже Евы и он не из-за этого бесится.

– Дело в Саре, – с вернувшейся агрессивностью объявил Лейзенби. – Она должна думать о Саре.

Компания разошлась довольно рано. Лейзенби должен был вернуться в Лондон к назначенной на утро деловой встрече, Расселу предстояла ранняя операция, Маркби ушел вместе с ними. Оставшиеся устали, увяли.

– Я совсем выдохся, – признался Эллиот, и, похоже, все прочие чувствовали то же самое. Мередит пожелала присутствующим доброй ночи и отправилась спать.

Спальня оказалась очаровательной. Неизвестно, сама ли Ева потрудилась обставить дом или наняла известного дизайнера, растолковав ему, чего хочет. Скорее последнее. В таком случае он в целом неплохо справился, хотя Мередит предпочитала видеть старые вещи старыми. Однако, судя по описанию Алана Маркби, старый ректорий был не очень-то привлекательным и уютным. Естественно, новым владельцам хотелось его оживить, приукрасить. Интересно, чем Роберт зарабатывал на жизнь. Она этого не успела узнать.

Мередит уже приготовилась лечь в постель, как в дверь постучали.

– Мерри! Не спишь?

– Нет, конечно. Входи. – Она вновь затянула развязанный пояс халата, пошла к двери, открыла.

На пороге стояла Сара. Вид у нее был потерянный.

– Можно зайти, потрепаться?

– Давай, – покорно позволила Мередит.

Сара нерешительно шагнула в комнату, на минуту остановилась, как бы собираясь с мыслями. В хлопчатобумажной ночной рубашке с крупным изображением Снупи¹², в пушистых нейлоновых розовых тапках, с сияющим чисто вымытым личиком, она выглядела на четырнадцать лет, ни на день старше. Потом, видимо, набралась храбрости, плюхнулась в плетеное кресло возле туалетного столика, сбросила тапочки, подобрала под себя ноги.

– Хорошо, – сказала Мередит, сев на неудобный стул у того самого столика. – Давай, сыпь горох.

Сара не усмехнулась в ответ. Нервно прикусила нижнюю губу, уставилась на крестную огромными задумчивыми голубыми глазами.

– Что ты скажешь о Питере Расселе, Мерри?

Мередит, ожидая такого вопроса, но только насчет Джонатана Лейзенби, заморгала.

– По-моему, человек симпатичный. Довольно старомодный семейный врач.

– Очень сильно интересуется мамой.

– Правда? – Мередит постаралась не выдать изумления. – Что ж, тогда я бы сказала, пусть дело идет своим чередом, и не вмешивалась, если ты это имеешь в виду. Почти весь вред в этом мире приносят благие намерения.

– Маме с ним было бы хорошо, – заявила Сара, сцепив руки. – Ей не везло с мужчинами.

«В самом деле? Я этого не замечала», – безжалостно подумала Мередит, чувствуя сонливость и нежелание продолжать неприятный разговор.

– Мужчины, с которыми она была счастлива, умерли. Роберт был жутко милый. Даже не возражал, когда его называли «мистер Оуэнс». Маму ни разу никто не назвал «миссис Фримен». Наверно, потому, что она прославилась под своим собственным именем. Только не каждому мужчине нравится выступать под женой фамилией, будто он какой-нибудь придаток к жене. Роберт не сердился. Считал это даже забавным.

– Он весьма преуспел в своей области, – заметила Мередит. – У него не было повода для недовольства и возражений. Если б он сам не добился успеха, можно было бы побеспокоиться.

Сара обдумала замечание.

¹² *Снупи* – добрый мечтательный песик, персонаж популярных комиксов.

– А папа... Очень жалко, что я его мало знаю. Мне было восемь лет, когда они расстались. Пробую вспомнить лицо, а оно расплывается. У мамы есть какие-то старые фотографии, но они для меня нереальные. То есть я на них толстый младенец в бархате с лентой Алисы¹³, даже не верится, что это я. Все чужое, незнакомое.

Мередит встала, прошла к окну, повернувшись спиной к своей крестнице. Шторы были неплотно задернуты, между ними виднелись звезды и луна. Луна скрылась за облаками, опять появилась и снова исчезла. Ее проблема не в том, чтобы вспомнить Майка, а в том, чтобы его забыть. Возможно, не надо было приезжать. Дочь Майка что-то бормотала у нее за спиной, слова просачивались в уши. Мередит почти боялась на нее оглянуться.

– Они снова сойтись собирались... – Тоненький голосок Сары врзался в сознание. – Мама мне рассказывала. Все обсудили, хотели еще раз попробовать.

– Ну да, – глухо выдавила Мередит.

– И ничего не вышло, потому что папу убили. Ужас. Вообще ни за что.

– Помню, – сказала Мередит.

Разве можно забыть? Ева в то время рвалась в Голливуд, вместе с Майком уехала в Калифорнию, где он стал сценаристом. Голливуд вскружил Еве голову – не ей первой. Она радостно увлекалась компаниями и вечеринками, погрузилась в интриги, заводила случайные мимолетные знакомства. Семейная жизнь неизбежно распалась. Неизвестно, то ли сам факт ухода Майка подействовал на Еву, как вылитое на голову ведро холодной воды, то ли просто гордость была задета, но она решительно намерилась его вернуть. Они с ним, каждый со своей стороны, работали над одним и тем же фильмом. Мередит помнит письмо Евы: «Мы с Майком так часто общаемся, что развод кажется глупым, тем более что он безумно любит Сару. Поэтому пообедаем вместе, все обсудим как следует и посмотрим, не сможем ли снова жить вместе. По-моему, со временем жизнь наладится».

Примирения так и не состоялось. В ход событий вмешалось насилие, ненужное и непредвиденное. Как-то вечером Майк вернулся в собственную квартиру, застав там наркомана-подростка, шарившего в поисках денег или ценных вещей. Парень был вооружен и застрелил Майка. Просто так. Потом попытался продать револьвер, чтоб заплатить за дозу, это и привело к аресту и обвинению, хотя он все отрицал, утверждая, будто нашел оружие в мусорном баке. Его уже судили за проникновение со взломом в квартиры, запертые машины, в другие места, где можно найти деньги или что-нибудь на продажу. Выяснилось, что он заходил в дом к своему дяде, швейцару, в тщетной попытке выпросить у него денег.

«Обычная картина, – сказал очень мудрый и страшно усталый лейтенант из лос-анджелесского отдела убийств, занимавшийся этим делом. – Со временем они кого-нибудь убивают. Это постоянно случается».

Только в тот раз это случилось с Майком. Мередит задумчиво смотрела на его дочь.

Как бы прочтя ее мысли, Сара спросила:

– Я не очень похожа на маму, да? А на папу?

– Немного. Определенно больше на него, чем на маму.

– Хьюго был просто жуткий, – с неожиданной страстью объявила Сара. – Не знаю, зачем мама за него вышла, разве что от горя по папе.

– Возможно.

По мнению Мередит, Ева была не столько убита горем, сколько потрясена внезапной насильственной смертью Майка. Через год она вышла за красноречивого симпатичного с виду финансиста, слишком поздно обнаружив, что грандиозные проекты существуют в основном в его воображении и на бумаге. От него трудно было избавиться.

¹³ *Лента Алисы* – плотно охватывающая голову повязка на иллюстрациях Джона Тенниела (1820–1914) к книгам Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

– Я всегда его ненавидела, – резко сказала Сара. – Он ее терроризировал. Она по-настоящему его боялась. И при разводе вел себя жутко. Знаешь, вытянул из мамы кучу денег. У нее почти ничего не осталось.

– И тогда ей посчастливилось познакомиться с Робертом Фрименом, – вставила Мередит, сразу пожалевав об этом.

Но Сара приняла замечание за чистую монету.

– Да. Суть в том, что Роберт оставил маму хорошо обеспеченной, поэтому она может выйти за Питера, хотя у него вообще денег нет, понимаешь? – Она энергично подалась вперед. – И для Питера было бы хорошо, потому что жена у него умерла. Долго болела, он преданно о ней заботился, ухаживал... Потом она внезапно скончалась, он тяжело страдал. Ему тоже было плохо, он вполне заслужил еще один шанс.

– Тебе этого сильно хочется? Повторяю, Сара, не вмешивайся. Хорошо, если твоя мать и Рассел сойдутся, только это их личное дело.

– Я и не собираюсь вмешиваться. Просто хочу, чтоб мама была счастлива, потому что я очень дурно себя вела, причинила ей массу хлопот, неприятностей. Наверно, она тебе рассказывала.

– Кое-что. Не переживай по этому поводу. Все прошло. – Мередит нерешительно замешкалась. – Ты действительно любишь этого молодого человека?

– Джона? Не знаю. Не знаю, могу ли я вообще кого-то любить. Иногда думаю, будто это не я. Хотя люблю его, насколько способна. – Сара так крепко стиснула руки, что под натянутой кожей вырисовались костяшки пальцев. – Джонатан нужен мне, Мерри! Он меня твердо ведет по прямой, очень узкой дорожке. Без него я сойбюсь с пути, как раньше. Ох, Мерри, я не вынесу, если что-то сорвется!

Последняя фраза прозвучала бесслезным криком души, и Мередит ощутила укол тревоги.

– Почему что-то должно сорваться, Сара?

– Ох, не знаю... Может сорваться. Пока все хорошо. Долго так не бывает.

Бедное дитя, подумала Мередит, отчаянно ищет отца. Думала, что нашла его в Роберте, и потеряла. Теперь заиклилась на Лейзенби. Он не намного старше ее, но полон уверенности. Ну, если он ей так нужен, очень хорошо. Будем надеяться, он ее ценит.

– Мерри, – сказала вдруг Сара, – ты ведь на своей работе даешь людям советы?

– Иногда, – уклончиво ответила Мередит. – В зависимости от обстоятельств. В довольно узких рамках, заданных правилами, поэтому никак не могу назвать себя тетушкой-исповедницей.

– Нет, но ты знаешь мир.

– Господи помилуй! Возможно, отчасти. Что дальше?

– Допустим... кто-нибудь тебе признается, что ему угрожают...

– Кто угрожает? Чем?

– Допустим... знакомый, который о нем что-то знает... дурное, не подлежащее огласке... а он собирается огласить.

– Сара, – осторожно сказала Мередит, – ты имеешь в виду шантаж? Если так, то это серьезное преступление, которым должна заниматься полиция.

– Допустим, человек не может обратиться в полицию. Я имею в виду, можно как-нибудь иначе избавиться?

– Нет. У полиции есть свои методы борьбы с шантажистами. Она делает все возможное для спасения жертвы.

– Да, но это не шантаж. Я имею в виду, шантажист требует оставить в пустом дупле мешок со старыми пятерками или обменяться портфелями на вокзале Виктории...

– Не обязательно. Шантажом добиваются чего угодно, к примеру работы.

– Тут ничего подобного! – с жаром воскликнула Сара. – Тут все абсолютно легально.

– Может быть, – спокойно продолжала Мередит, – ты расскажешь, в чем дело?

Сара крепко стиснула губы.

– Не могу. Речь идет... о друге.

– Ну, предложи другу или подруге как следует подумать, пусть потом разрешат тебе или не разрешат посоветоваться со мной.

– Ладно. – Сара спрыгнула с кресла, нащупала ногами пушистые розовые тапки. – Спасибо, что выслушала, Мерри. Мне действительно хватило наглости выложить тебе свои проблемы, понимая, как ты устала. Не знаю, зачем утруждать тебя неприятностями моих друзей.

Мередит задумчиво ее разглядывала. Друзья – полный блеф. Сара в беде и, возможно, не способна довериться матери после скандалов трехлетней давности. Вдобавок боится навлечь на себя неудовольствие Лейзенби. Хотелось побольше поговорить о нем, но Мередит подавила желание, поняв, что опасно приблизилась к той черте, которую советовала не переступать Саре, вмешиваясь в отношения между матерью и Питером Расселом. В принципе в Лейзенби ничего нет плохого, кроме того, что он молод, самоуверен и самодоволен настолько, что страшно хочется указать ему его настоящее место. Может быть, раздражение вызвано долгой тяжелой поездкой. Хуже того – подсознательным стремлением защитить интересы Майка.

– Беги, ложись в постель, – приказала она. – Поспи хорошенько, и мне дай поспать. – Вид у Сары по-прежнему был столь несчастный, что Мередит энергично добавила: – Гляди веселей! Все будет хорошо, – понимая, что действительно устала, как собака, раз так говорит.

Вновь оставшись одна, она легла в кровать и принялась глядеть в потолок, освещенный лампой на столике. Лампу она сразу не стала выключать – в темноте заплескали бы лица из прошлого. Усталость дошла до такой степени, что даже не хотелось трудиться гасить свет. На столике у кровати лежали журналы, но совсем не того типа, который ее мог бы заинтересовать. Собравшись в конце концов с силами, она дотянулась до выключателя и, проваливаясь в сон, успела сообразить, что сегодня дважды слышала о шантаже...

Глава 4

Мерedit проснулась под утро от тихого урчания мотора. Вылезла из постели, подошла к окну, выходившему прямо на подъездную дорожку и кованые ворота, освещенные фарами. В их свете двигалась фигура, издали слышался типично британский звон молочных бутылок. Интересно, как молочник справится с запертыми воротами? Очень просто – по очереди просунул бутылки между прутьями решетки, оставив одинокой кучкой на гравийной дорожке. Кто-то – вероятно, Лючия, – пойдет потом к воротам и заберет. Молочник вернулся к машине – не к медлительному электромобилю, а к простому фургону, – и с тархтением уехал. Открыв окно и высунувшись, она увидела, что лучи фар снова замерли. Молочник расставлял бутылки на крыльце Филипа Лорримера и старика Берта. Потом лучи опять двинулись и исчезли из вида.

Небо только начинало светлеть на востоке, на деревьях вокруг церковного двора зашебетали немногочисленные птицы. Мерedit посмотрела на свои наручные часы. Четверть шестого. Она снова легла, но не заснула. Внимание привлекли незнакомые звуки, и она старалась их распознать с переменным успехом. Скрипят и стонут на разные голоса старые полы и балки дома. Алан Маркби – загадочный мистер Маркби – сказал, что их съела сухая гниль, но об этом позаботились. Некоторые оригинальные половицы наверняка заменили, однако не все. Например, пол в спальне неровный, значит, старый. Глухое призрачное урчание издают водопроводные трубы, отопление, канализация, и поэтому почти кажется, будто она вновь очутилась в собственной квартире. Внезапный треск на улице произвела упавшая с церковного дерева ветка. Наконец, она перевернулась на бок, провалилась в дремоту.

Когда снова проснулась, сердце вдруг прыгнуло прямо в горло. Вдали что-то грохнуло, громко звякнул металл. Открылись въездные ворота. Для кого? Мерedit села. Без нескольких минут восемь. Снова загромыхали молочные бутылки. Приехавший, кем бы он ни был, услужливо понес их в дом. Мерedit выскочила из постели, протопала в ванную, приняла душ, вернулась, никого не встретив. Спускаясь по лестнице, услышала чужие женские голоса и пошла на звук ударов, словно кто-то сражался там с чем-то невидимым.

Внизу в прихожей увидела открытую дверь на лестницу. Из нее торчал внушительный женский зад в оранжевом нейлоновом комбинезоне. Зад вертелся, выпячивался, медленно появлялось тело, часть которого он составлял. Наконец распрямилась, явив себя, крепкая женщина средних лет с покрасневшим лицом. Она запыхалась от усилий, триумфально сжимая ручку пылесоса, который только что вытащила из чулана.

– С добрым утром! – радостно поприветствовала она Мерedit. – Вы, должно быть, та самая леди, что в гости приехала. Я – миссис Ювелл, прихожу каждый день. – Женщина захлопнула дверцы чулана, вытащила из кармана комбинезона желтую щетку. – Надеюсь, хорошо выпались?

– Более или менее, – осторожно ответила Мерedit. – Молочник меня разбудил.

– Наш Гэри, – кивнула миссис Ювелл. – Ему надо рано вставать, понимаете, он отсюда объезд начинается. Едет к нам прямо с молочной фермы, потом в Нижний Клэнби, потом через крупный муниципальный район, вниз к авиационной базе в Чертоне, потом назад к новым богатым домам судебных исполнителей – так их прозвали, – потом обратно на ферму с пустой посудой. Все утро на это уходит. – Миссис Ювелл с шумом потащила пылесос по прихожей. – Дом большой, нелегко содержать его в чистоте. Одна повариха не справится. Особенно когда гости наедут.

Мерedit поняла это как намек, что не следует мешаться у миссис Ювелл под ногами, и направилась к кухне на соблазнительный запах свежесваренного кофе. Уборщица включила пылесос, мыча мелодию из «Саут пасифик».

– Как ваши зубы? – спросила Мерedit повариху.

– Он зуб мудрости вырвал, вот! – Лючия широко открыла рот, демонстрируя темный прогал. – Очень больно.

– Может, прополоскать аспирином? – Мередит не стала заглядывать в рот. – Если хотите, у меня есть антисептический зубной эликсир.

Лючия фыркнула:

– Не надо мне никакой химии. Я сама готовлю полоскание, вот из этого. – Она полезла в буфет, вытащив пучок листьев шалфея.

– Помогает? – с любопытством спросила Мередит.

– Лучше не бывает! – Лючия помахала пучком у нее перед носом. – Получаются очень здоровые белые зубы. Я все средства знаю. Мне не нужны аптеки. В нашей деревне в Кампании жила очень мудрая женщина. Сама готовила снадобья, все болячки лечила. Пользовалась травами, что вокруг росли. – Она положила шалфей на стол. – Приготовить яичницу? – Лючия жестом изобразила, будто разбивает яйца.

– Нет, спасибо. Чашки кофе вполне достаточно.

Когда Мередит снова вошла в гостиную, комната была безупречно убрана силами миссис Ювелл, которая теперь находилась внизу в раздевалке, судя по доносившейся оттуда песне «Дивный вечер». В окно в решетке ворот торчала газета, Мередит открыла парадную дверь и пошла за ней.

Фактически там было две газеты – «Таймс» и засунутая в нее «Сан». Вытаскивая их из прутьев, Мередит заметила еще кое-что, лежавшее на земле за воротами. На первый взгляд какая-то грязная тряпка, которая со второго, более внимательного, приобрела отчетливую форму.

Она сунула газеты под мышку, наклонилась, протянула руку, достала тряпичную куклу. Судя по грязи и повреждениям, очень старая, возможно, из мусорного бака. Хотя потрепалась не от времени, а нарочно изорвана. Кто-то искромсал голову и лицо либо острым ножом, либо ножницами, грубо вымазал красной краской, изображавшей кровь. Кукла насквозь промокла, значит, ее бросили у ворот вчера вечером, где она пролежала всю ночь. Возможно, разносчик газет ее видел, но не обратил особого внимания. Молочник, доставивший рано утром бутылки, мог в темноте вообще не заметить. Миссис Ювелл, приехавшая на старом велосипеде, точно ничего не видела. Ей незачем пристально присматриваться к окружающему, а может, она приняла куклу за старую тряпку. Куклу должен был первым найти член семьи, подошедший к воротам.

Мередит с глубоким омерзением и нараставшей злостью разглядывала ее. Изуродованные черты придавали вещи зловещий вид. Она снова вспомнила о колдовстве. Бычье сердце могло быть гадкой шуткой, но вместе с растерзанной куклой все это начинало смахивать на заведомо мстительную кампанию. Мередит завернула куклу в газеты и пошла назад к дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.